

КНИГА ЗА КНИГОЙ

АВДОТЯ
РЯЗАНУЧКА

Издательство „Детская литература“

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Былины в пересказе
Б. Шергина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965

К ЧИТАТЕЛЯМ

Автор этой книги, Борис Викторович Шергин, родился в Архангельске в 1896 году. На берегах Белого моря прошли и детство, и юность, и молодость автора. Он вырос в трудовой семье. Отец, коренной помор, был корабельным мастером, строил морские парусные суда. В доме у Шергиных часто бывали старые мореходцы, архангельские поморы. Борис Викторович любил слушать их рассказы.

В юности будущий писатель часто слышал и пение былин. Эти древние сказания передавались устно, без книг и без записи, от отцов к детям, от дедов к внукам. «Эти былины, — рассказывает Борис Викторович, — нам, ребятам, нетрудно было запоминать, потому что самая речь архангельских поморов сродни была красовитому языку былин и сказок».

И рассказы бывалых людей, и былины Б. Шергин запомнил на всю жизнь. Впоследствии они составили основу его литературных произведений.

Печатать свои рассказы Борис Викторович начал с 1916 года. Им написано около десятка книг: «У Архангельского города», «У корабельного пристанища», «Приключения Шиша Московского», «Архангельские новеллы», «Поморщина — корабельщина» и др.

В 1957 году в Детгизе вышла книга Б. Шергина «Поморские были и сказания».

Гравюры В. Фаворского
Обложка и титул А. Билль

БЫЛИНЫ

«ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ» И «О СУХМАНЕ НЕПРОВИЧЕ»

«В солнце знаменье страшное, в полночь звёзды хвостатые, перед зóрями земля тряслась. Шла Орда на Святую Русь». Так начинается былина о татарском нашествии. Орда — монголо-татарские полчища — двинулась на Русскую землю с востока в тринадцатом столетии. В 1240 году «злы татарове» сожгли Киев, жителей увели в полон. Та же участь постигла Тверь, Рязань, Москву. Русский народ сопротивлялся отчаянно: «Пели стрелы калёные, гремели копыя долгомерные, падали татарове труп на труп...» И всё же Орда наступала на Русь, покоряя одно за другим раздробленные русские княжества, заставляя русских князей платить дань татарскому хану. Но душа русского народа была непокорна и голова непоклонна. То одна, то другая область ополчалась против ненавистного ига. Орда опять опрокидывалась на Русь, опять текли кровавые реки...

Русь свергла татарское иго только тогда, когда объединилась под знаменем великого княжества Московского.

О бедственных временах татарщины правдиво рассказано в древних наших летописях. Память о них звучит и в народных песнях, и в былинных напевах, то величавых, то заунывных. В образе могучего богатыря Ильи Муромца народ воплотил мужество, силу и волю к победе русского воинства.

Во времена татарщины русские матери и жёны не то что плакали, а в слезах плавали. Плачет и «рязанская баба» Авдотья, увидев вместо города пепелище. Однако плачет недолго. Она идёт в дальний поход, в Орду, чтобы выволить взятых в плен мужа, сына и брата. Простая русская женщина, Авдотья, которая всю жизнь пряла, ткала, мыла и стирала, когда пришёл грозный час, показала великую силу души. Вот стоит она перед страшным царём татарским — маленькая, в лапотках, — а кругом Орда, мечи, копья. На устах её не страх, а грозное слово: «Я пришла с тобою, царь, судиться!» И царь татарский, поражённый мужеством Авдотьи, которая шла в Орду целый год одна-одинёшенька по страшной дороге, терпела голод и холод, отпускает с ней на Русь не только родных, но и весь рязанский полон.

Герой былины «О Сухмане Непровиче» — сын реки и, совершив подвиг на пользу людям, сам становится рекой.

Народ не сомневался, что даже природа ненавидит врагов. В былине о Сухмане река Непра неутомимо размывает мосты и переходы, по которым татары хотят переправиться на русский берег.

В этой былине отразились удивительные понятия наших предков об окружающем их мире. И солнце, и ветер, и река, и деревья представлялись нашим праотцам существами живыми, готовыми при случае помочь человеку.

Б. Шергин

о Б Авдотбе Рязаночке

Зачинается доброе слово
Про Авдотью-жёнку, Рязанку.

Дунули буйные ветры,
Цветы на Руси увяли,
Орлы на дубах закричали,
Змеи на горах засвистали.
Деялось¹ в стародавние годы.
Не от ветра плачет сине море,

¹ Деялось — происходило.

Русская земля застонала.
Подымался царище татарский
Со своею Синею ордою¹,
С пожарами, со смертями.
Города у нас на дым пускает,
Пепел конским хвостом разметаёт,
Мёртвой головой по земле катит.
И Русь с Ордой соступилась²,
И были великие сечи...
Кровавые реки пролилися,
Слёзные ручьи протекали.
Увы тебе, стольный Киев!
Увы, Москва со Рязанью!
В старой Рязани плач с рыданьем:
Носятся страшные вести.
И по тем вестям рязанцы успевают,
Город Рязань оберегают:
По стенам ставят крепкие караулы,
В наугольные башни — дозоры.

Тут приходит пора-кошенина³.
Житьё-то бытьё править надо.
Стрелецкий голова⁴ с женою толкует,
Жену Авдотью по сено сряжает:
— Охти мне, Дунюшка-голубка,
Одной тебе косить приведётся,
Не съездить тебе в три недели,

¹ Синяя орда — прозвище одного из татарских племён времён нашествия татар на Русь.

² Соступилась — сошлась.

³ Кошенина — время покоса, когда заготавливают сено.

⁴ Стрелецкий голова — начальник над отрядом стрельцов, охраняющих город или крепость.

А мне нельзя от острога¹ отлучиться.
Ни брата твоего пустить с тобою,
Чтобы город Рязань не обезлюдить.

И Авдотья в путь собралася,
В лодочку-ветлянку² погрузилась.
Прощается с мужем, с братом,
Милого сына обнимает:
— Миленький мой голубочек,
Сизенький мой соколик,
Нельзя мне взять тебя с собою:
У меня работа будет денно-нощна,
Я на дело еду скороспешно.

После этого быванья³
Уплыла Авдотья Рязанка
За три леса тёмных,
За три поля великих.
Сказывать легко и скоро,
Дело править трудно и долго.
Сколько Авдотья сено ставит,
Умом-то плавает дома:
«Охти мне, мои светы,
Всё ли у вас по-здорову?»

А дни, как гуси, пролетают,
Тёмные ночи проходят.
Было в грозную ночьку —
От сна Авдотья прохватилась,

¹ Острóг — деревянная крепость в городе.

² Ветлянка — лодка, прошитая корнями ветлы — ивы. Такое крепление было прочнее железного.

³ Быва́нье — происшествие, событие.

В родимую сторонку взглянула:
Над стороной над Рязанской
Трепещут пожарные зори...
Тут Авдотья испугалась:
— Охти мне, мои светы!
Не наша ли улица сгорела? —
А ведь сена бросить не посмела:
Сухое-то кучами сгребала,
Сучьём суковатым пригнетала,
Чтобы ветры-погоды не задели.
День да ночь работу хватала,
Не спала, не пила, не ела.
Тогда в лодчонку упала,
День да ночь гребла, не отдыхала,
Весла из рук не выпускала.
Сама себе говорила:
— Не дрожите, белые руки,
Не спешите, горючие слёзы! —
Как рукам не трястися,
Как слезам горючим не литься?
Несёт река головни горелы,
Плывут человеческие трупы.
На горах-то нет города Рязани,
Нету улиц широких,
Нету домовного порядка.
Дымом горы повиты,
Пеплом дороги покрыты.
И на пеплышко Авдотья выбредала.

Среди городского пепелища
Сидят три старые бабы,

По мёртвым кричат да воют,
Клянут с горя небо и землю.
Увидели старухи Авдотью:
— Горе нам, жёнка Авдотья!
Были немилые гости,
Приходил царище татарский
Со своею Синею ордою,
Наливал нам горькую чашу.
Страшен был день тот и грозен.
Стрелы дождём шумели,
Гремели долгомерные¹ копья.
Крепко бились рязанцы,
А татар не могли отбити,
Города Рязани отстояти.
Убитых река уносила,
Живых Орда уводила.
Увы тебе, жёнка Авдотья,
Увы, горегорькая кукуша!
Твоё тёплое гнёздышко погибло,
Домишечко твоё раскатилось,
По камешку печь развалилась.
Твоего-то мужа и брата,
Твоего-то милого сына
В полон увели татары!

И в те поры Авдотья Рязанка
Зачала лицо своё бити,
Плачем лицо умывати,
Она три дня по пеплышку ходила,
Страшно, ужасно голосом водила,

¹ Долгомерный — долгий мерою, то есть длинный.

В ладони Авдотьюшка плескала,
Мужа и брата кричала,
О сыне рыдала неутешно.
Выплакала все свои слёзы,
Высказала все причитанья.

И после этого быванья
Вздумала крепкую думу:
— Я пойду вслед Орды, вслед татарской.
Пойду по костям по горелым,
По дорогам пойду разорённым.
Дойду до Орды до проклятой,
Найду и мужа и брата,
Найду своего милого сына!

Говорят Авдотье старухи:
— Не дойти тебе Орды за три года.
Пропадёшь ты, жёнка, дорóгой,
Кости твои зверь растащит,
Птицы разнесут по белу свету.

Говорит Авдотья старухам:
— То и хорошо, то и ладно!
Дожди мои косточки умоют,
Буйные ветры приобсушат,
Красное солнце обогреет.

Говорят Авдотье старухи:
— В Орде тебе голову отымут,
Кнутом тебе перебьют спину.

— Двум смертям не бывати,
А одной никому не миновати! —
И пошла Авдотья с Рязани:
Держанный на плечах зипунишко¹,
На ногах поношены обутки.
И поминок² добыла своим светам:
Пояса три да три рубахи.
— Найду их живых или мёртвых,
В чистые рубахи приодену.

Шла Авдотья с Рязани,
Суковатой клюкой подпиралась.
Шла она красное лето,
Брела она в грязную осень,
Подвигалась по снегу, по морозу.
Дожди её насекают³,
Зимние погоды заносят.
Страшно дремучими лесами:
В лесах ни пути, ни дороги,
Тошно о лёд убиваться,
По голому льду подаваться.
Шла Авдотья с Рязани,
Шла к заре подвосточной,
Шла в полудённые страны,
Откуда солнце восходит,
Смену несла своим светам:
Три пояска да три рубахи.
Шла, дитя называла,

¹ Зипу́н — кафтан крестьянского сукна с большим воротником.

² Помы́нок — памятный подарок.

³ Насека́ют — секут, стегают.

Мужа и брата поминала.
Тогда только их забывала,
Когда крепким сном засыпала.
Шла Авдотья близко году,
Ела гнилую колоду,
Пила болотную воду.
До песчаного моря доходила.
Идут песчаные реки,
Валится горячее каменьё,
Не видать ни зверя, ни птицы;
Только лежат кости мёртвых,
Радуются вечному покою.
В тлящих¹ полуденных ветрах,
В лютых ночных морозах
Отнимаются руки и ноги,
Уста запекаются кровью.

И после этого быванья
Веют тихие ветры.
Весна красна благоухает,
Земля цветами расцветает.
Жёночка Авдотья Рязанка
На высокую гору восходит,
Берега небывалые видит:
Видит синее широкое море,
А у моря Орда кочевала.

За синими кудрявыми дымами
Скачут кони табунами,

¹ Т л я щ и й — растлевающий, разрушающий.

Ходят мурзы-татаре¹,
Ладят свои таборы-улусы².
Тут-то Авдотью увидали,
Врассыпную от неё побежали:
— Алай-булай, яга-баба!
— Алай-булай, привиденье! —
Голосно Авдотья завопила:
— Не бегайте, мурзы-татаре!
Человек я русского роду.
Иду в Орду больше году,
Чтобы вашего царя видеть очи. —
И в ту пору, и в то время
Авдотью к царицу подводят.
Блестят шатры золотые,
Стоят мурзы на карачках
Виньгают в трубы и в набаты,
Жалостно в роги играют,
Своего царища потешают.

Сидит царище татарский
На трёх перинах пуховых,
На трёх подушках парчовых.
Брови у царища совины,
Глаза у него ястребины.
Усмотрел Авдотью Рязанку,
Заговорил царище, забаял:
— Человек ты или привиденье?
По обличью ты русского роду.
Ты одна-то как сюда попала?

¹ Мурзы, мурзы-татаре, мурзы-уланые — так называли русские татарских начальников.

² Улусы — кочевые стойбища татар.

Ты не рыбою ли реки проплывала,
Не птицей ли горы пролетала?
Какое тебе до меня дело? —
И жёнка Авдотья Рязанка
Его страшного лица не убоялась:
— Ты гой еси¹, царище татарский,
Человек я русского роду,
Шла к тебе больше году,
Сквозь дремучие леса продиралась,
О голые льды убивалась,
Голод и жажду терпела,
От великой нужды землю ела.
Я шла к тебе своей волей,
У меня к тебе обидное дело:
Приходил ты на Русь со смертями,
С пожарами, с грабежами,
Ты разинул пасть от земли до неба,
Ты Рязань обвёл мёртвою рукою,
Катил по Рязани головнёю,
Теперь ты на радости пируешь...

Ей на то царище рассмехнулся:
— Смело ты, жёнка, рассуждаешь,
Всего меня заругала!
Не слыхал я такого сроду.
А не будем с тобою браниться,
Давай, Рязанка, мириться.
Какое тебе до меня дело? —
Говорит Авдотья Рязанка:

¹ Гой еси — это словосочетание употребляется в былинах как за-
здравный клич. Гó и ть — жить, здравствовать.

— Ты увёл в полон моего мужа и брата,
Унёс моего милого сына.

Я ночью и днём их жалею,
Покажи их живых или мёртвых.
Я одену их в чистые рубахи,
Поясами их опояшу,
Покричу над ними, поплачу,
Про запас на них нагляжуся.

И царь на Авдотью дивится:
— Орда молодцов видала,
Такого образца не бывало!
Не князь, не посол, не воин —
Жёночка с Рязани, сиротинка,
Перешла леса и пустыни,
Толкучие горы перелезла,
Бесстрашно в Орду явилась...
Гой вы, мурзы-татаре,
Приведите полоняников рязанских,
Пушай Авдотья посмотрит,
Жив ли муж её с братом,
Тут ли её милое чадо!

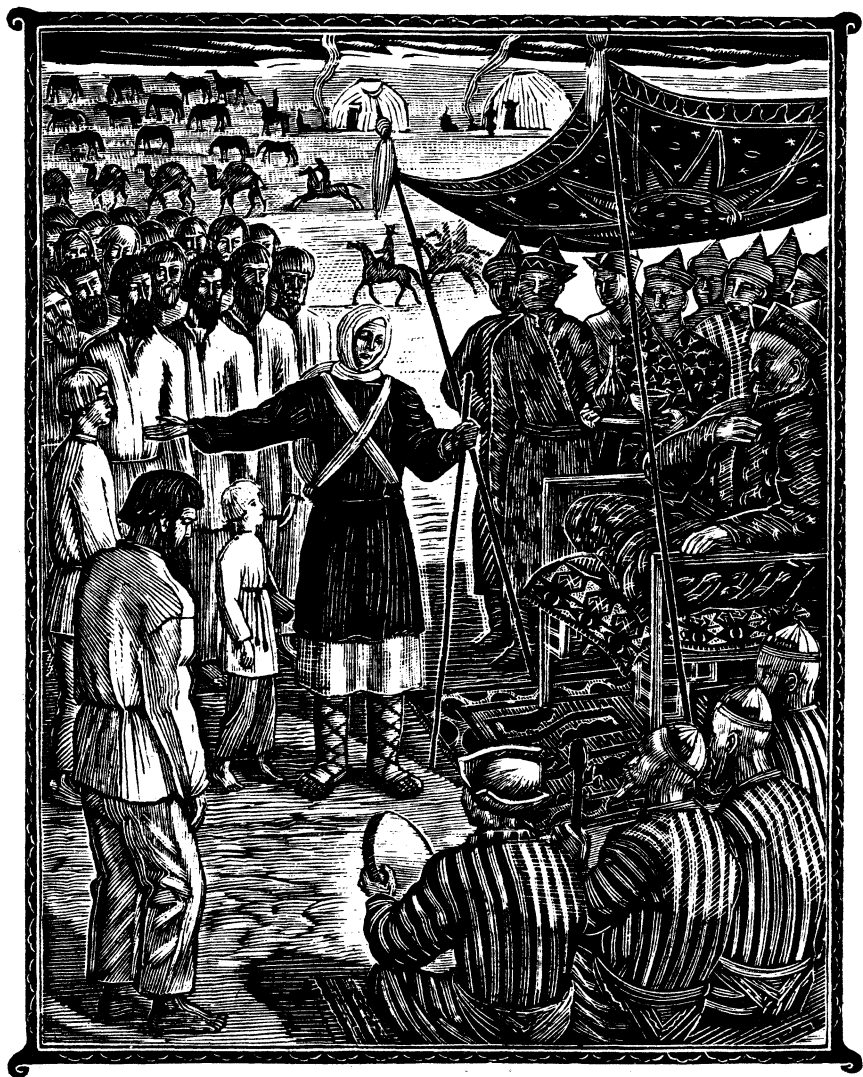
И полон рязанский приводят,
И Авдотья видит мужа и брата.
Живого видит милого сына.
И не стрела с тугого лука спрянула,
Не волна о берег раскатилась,
С семьёй-то Авдотьюшка свидалась.
Напали друг другу на шею,
Глядят, и смеются, и плачут.

Говорит царище татарский:
— Жалую тебе, жёнка Авдотья,
За твоё годичное хождение:
Из троих тебя жалую единым,
Одного с тобою на Русь отпускаю.
Хочешь, бери своего мужа,
Хочешь, бери себе сына,
А хочешь, отдам тебе брата.
Выбирай себе, Рязанка, любого.

И в ту пору и в то время
Бубны, набаты замолчали,
Роги и жалейки перестали.
А жёнка Авдотья Рязанка
Горше чайцы морской возопила:
— Тошно мне, мои светы!
Тесно мне отовсюду!
Как без камешка синее море,
Как без кустышка чистое поле!
Как я тут буду выбирать,
Кого на смерть оставлять?!
Мужа ли я покину?
Дитя ли своё позабуду?
Брата ли я отступлюся?..

.

Слушай моё рассуждение,
Не гляди на мои горькие слёзы:
Я в другой раз могу замуж выйти,
Значит, мужа другого добуду.
Я в другой раз могу дитя родити,

Значит, сына другого добуду.
Только брата мне не добыти,
Брата человеку негде взять...
Челом тебе бью, царь татарский,
Отпусти на Русь со мною брата!

И в то время жёнка Рязанка
Умильно перед царищем стояла,
Рученьки к сердцу прижимала,
Не мигаючи царю в очи глядела,
Только слёзы до пят протекали.
Тут не на море волна прошумела,
Авдотью Орда пожалела,
Уму её подивилась.
И царище сидит тих и весел,
Ласково на Авдотью смотрит,
Говорит Авдотье умильно:
— Не плачь, Авдотья, не бойся,
Ладно ты сдумала думу,
Умела ты слово молвить.
Хвалю твоё рассужденье,
Славлю твоё умышленье.
Бери себе и брата и мужа,
Бери с собой и милого сына.
Воротися на Русь да хвастай,
Что в Орду не напрасно ходила,
На веках про Авдотью песню сложат,
Сказку про Рязанку расскажут...
А и мне, царищу, охота,
Чтобы и меня с Рязанкой похвалили,
Орду добром помянули.

Гей, рязанские мужи и жёны,
Что стоите, тоскою покрыты?
Что глядите на Авдотьину радость?
Я вас всех на Русь отпускаю.
Гей, жёнка Авдотья Рязанка!
Всю Рязань веди из полону,
И будь ты походу воевода.

И в те поры мурзы-татаре
Своего царища похваляют,
Виньгают в трубы и в роги,
Гудят в набаты, в бубны.
И тут полоняники-рязанцы
Как от тяжкого сна разбудились,
В пояс Орде поклонились,
Молвили ровным гласом:
— Мир тебе, ордынское сердце,
Мир вашим детям и внукам!

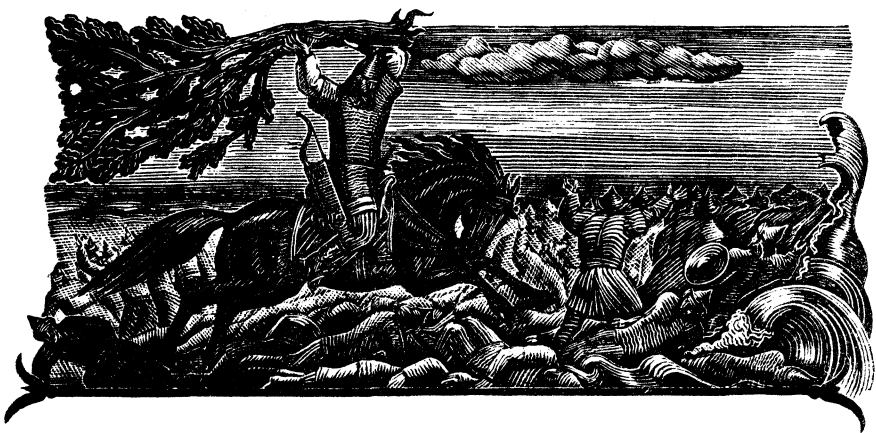
И не вешняя вода побежала,
Пошла Рязань из полону.
Понесли с собой невод и кáрбас¹
Да сетей поплавных — перемётов,
Чем, в дороге идучи, питаться.
Впереди Авдотья Рязанка
С мужем, с братом и с сыном,
Наряжены в белые рубахи,
Опоясаны поясами.

¹ Кá р б а с. — Имеется в виду речной карбас — гребное, беспалубное, парусное судно.

После этого быванья
Воротилась Рязань из полону
На старое своё пепелище,
Житьё своё управляют,
Улицы ново поставляют.

Были люди, миновались,
Званье, величанье забывалось.
Про Авдотью память осталась,
Что жёнка Авдотья Рязанка
Соколом в Орду налетала,
Под крылом Рязань уносила.

О Сухмане Непровиче

кануна¹ у праздника
Угощает князь Сеславьевич
Свою дружину хоробрую².
Ходит чаша рядовная,
Гости пьют, похваляются
Кто могутною силою,
Кто красой молодецкою.

¹ К а н у н (греч. капоп) — день, предшествующий празднику.

² Х о р о б р у ю — храбрую.

А Сухман-то Непровьевич
Испивает по-малёхоньку,
Говорит по-редёхоньку.
Князь по гридне¹ похаживает,
У Сухмана выпрашивает:
— Что сидишь не улыбнешься?
Али чара шла не по́ ряду?
Али место не по отчине?² —
Ответ держит молодой Сухман:
— Та и чаша чиновная,
Я котору ко устам несу.
То и место степенное,
На котором я сижу. —
Говорит князь Сеславьевич:
— Не спесиво ли высловил,
А не хвастливо ли вымолвил?
Ты о чём ладишь хвастати?
Богатырской ли силою
Али красой молодецкою? —
Ответ держит молодой Сухман:
— Моя сила не вам чета,
Моя красота не вам ровня.
А похвастаю силою:
Оснастишь ты, князь Сеславьевич,
Боевые лодьи мерные³,
Зайдёшь в лодьи с дружиною,
Со конями, со сбруями,

¹ Грѣдня — здесь: комната для приёма гостей.

² Место не по отчине. — На пирах, на собраниях были места почтенные, средние и низкие. По обычаю, сын занимал то место за столом, где сидел его отец.

³ Лодьи мерные. — Мерными лодьями названы здесь суда, размер которых позволил грузить на них и вооружённых воинов и лошадей.

Я лоды те повыздыму¹,
Во синё море вынесу.
А в мою-то во красоту
Поглядит солнце красное,
Полюбуются звёзды частые. —
Говорит князь Сеславьевич:
— Нам догадку высказываешь,
Нам загадку загадываешь.
То ведь кудесы² заветные,
То волшбá хитромудрая,
Вещим бабам показана,
Старикам заповедана.
А твои возрасты ранние,
Твои степени молодшие.
Дам тебе службу сверстную³.
Ты сгуляй ко Непре-реке,
Настреляй гусей-лебедей,
Серых малых утёнышей
Во дворы-ти во княжие,
Нам в потребности домовные. —
А и Сухман не ослышится.
Он и едет Непрой-рекой,
На реку-то дивуется,
У реки-то выпрашивает:
— Гой ты, мати Непра-река,
Что течёшь не по-старому?
Что волной разгулялася,
Во песках замутилася? —

¹ П о в ы з д ы м у — подниму (от глагола «вздымать»).

² К у д е с ы — волшебство, чародейство.

³ С в е р с т н у ю — подходящую по возрасту, по годам.

Отвечает Непра-река:
— Мне ведь как не мутиться,
Во песках не мешаться?
К моему-то ко берегу,
С полудённую сторону,
Подошли злы татаровья,
Семь полков, орда Синяя.
Они мосты-то вымачивают,
Через меня-то, Непру-реку,
Переходы выкладывают.
Что они в день-то повымостят,
Что во дни-то повыстроят,
То я ночью повырою,
То я ночью повымою.
Я из сил-то повыбилась...
А идут-то татаровья
Ко княжому ко городу.
Ладят город на дым пустить,
Старых-малых повыгубить. —
А и тут молодой Сухман
Он и гонит добра коня
В полудённую сторону.
Красно солнце на закате,
Красна солнца не видети,
Что от духу татарского,
Что от поту ордынского.
А и тут молодой Сухман
Он хватал сыр матёрый дуб
Со корнями из берегу.
А не гроза-то накатится
И не туча навалится,

А ударил молодой Сухман
На полки-то татарские.
Он здымал сыр матёрый дуб
Выше плечи могучие,
Он и жажнул¹ ко западу,
Отмахнул на восточную.
То-то писку татарского,
То-то визгу ордынского!
А и бил молодой Сухман,
Как косец-то траву косил.
А и ложатся татаровья,
Ложатся увалами,
Лежат перевалами.
А и мати Непра-река
Со постели повыстала²,
На Орду-то опрjúжилась,
Она мыла татаровей,
Уносила поганных
Во поддоны³ — желты пески.
То-то ноченька грозная,
То-то ноченька светлая.
Заря-то вечерняя
С зарёю со утренней
Как сестра с сестрой сóйдутся.
На заре той, на утренней,
Заходил молодой Сухман
На гору на Окатову.
Он оглядывал к северу,

¹ Ж а х н у л — ударил с размаху.

² Со постели повыстала — вышла из берегов. Постель реки — русло реки.

³ Поддоны — ямы на дне реки.

Отслушивал к западу,
А ни писку, ни голосу,
А ни визгу, ни шороху.
Лежит орда Синяя,
Как трава-то покосена.
А в живых-то остались,
Остались три татарина.
Они под гору укрылися,
В кусты схоронилися.
А Сухман-то Непровьевич
На горе постаивает,
Сымает золотой шелом,
Расстегнул латы¹ булатные,
Оттирает кровавый пот
По трудех-то великих.
А и три-то татарина
Тянут туги луки,
Пустили три стрелы.
Ударили три стрелы
Во крепку грудь Сухманову,
Во сердце ретивое.
То-то ноченька грозная,
То-то ноченька светлая.
Говорит Непра-река:
— Родимое моё дитятко,
Не вынимай калёной стрелы
Из сердца ретивого!
Дождись зари утренней,
Простись со дружиною. —

¹ Л а т ы — в рыцарском вооружении набор металлических щитков для защиты груди и спины.

А во ту пору времени
Во своём-то во городе
Не спит князь Сеславьевич,
С дружиною советует:
— Что без ветру река шумит?
За рекой будто гром гремит.
То не туча грозовая,
Не гроза разгулялася,
Тамо сеча кровавая,
Тамо бой-драка великая!
А и нет ли невзгодушки
Над молодым-то Непровичем? —
А и князь со дружиною
На добрых коней падают,
А и гонят Непрой-рекой
В полудённую сторону.
А и тут становилися,
А и тут острашилися:
Круг горы-то Окатовы
Лежит орда Синяя,
Лежат злы татаровья,
Как трава-то покошена.
А и скачет князь с дружиною
На гору Окатову.
Стоит молодой Сухман,
О коня ослоняется¹,
Говорит таковы слова:
— Здравствуй, князь со дружиною!
Я служил службу раннюю
По моим малым возрастам,

¹ Ослоняется — прислоняется, опирается.

По младшим по степеням.
Набил гусей-лебедей,
Серых малых утёнышей. —
Говорит князь Сеславьевич:
— Уж ты гой еси, Непровьевич,
Богатырь святорусский!
Мне-ка чем тебя жаловать?
В города ли воеводою
Аль несчётной золотой казной? —
Ответ держит молодой Сухман:
— Уж воеводить мне некогда
И казна стала ненадобна. —
А и тут молодой Сухман
Он правой-то рученькой
Выхватывал каленú стрелу
Из своего-то сердечушка...
И не белой снежочек пал —
Непрович с ног упал.
Он упал, упал; лежит.
Белый снег на лицо бежит.
Из груди-то Сухмановой
Ударили три ключа.
Три ключа, воды светлые
Во потоки свивались,
Большой рекой разбежались.
Объявилась Сухман-река.
От очей-то Сухмановых
По той же Сухман-реке
Объявились два озера,
Воды синие, светлые.

Налетели тут гуси-лебеди,
Серы малы утёныши.
От костей-то Сухмановых
Поднялись круты бёреги.
От кудрей-то Сухмановых
По той ли Сухман-реке
Верба раскудрявилась.
А от уст-то румяных
Расцвели цветы алые.
А в красу-то Сухманову,
В воды чистые, светлые
Днём глядит солнце красное,
А в ночи — звёзды частые.
А дошла пора времени,
Оснастил князь Сеславьевич
Боевы лоды мерные;
На лоды зашёл с дружинами,
Со конями, со сбруями.
Подымала их Сухман-река,
Понесла во синё море.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Шергин. Былины «Об Авдотье Рязаночке» и «О Сухмане Непровиче»</i>	<i>3</i>
<i>ОБ АВДОТЬЕ РЯЗАНОЧКЕ</i>	<i>5</i>
<i>О СУХМАНЕ НЕПРОВИЧЕ</i>	<i>21</i>

Д л я м л а д ш е г о ш к о л ь н о г о в о з р а с т а

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Былины в пересказе Бориса Викторовича Шергина

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *М. Д. Суховцева*.
Технические редакторы *Э. М. Кузьмина* и *Г. А. Подольная*. Корректор *К. П. Тягельская*.
Сдано в набор 7/XII 1964 г. Подписано к печати 27/II 1965 г. Формат 60×90^{1/16}—2 печ. л.
(1.25 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. ТП 1965 № 148. Цена 4 коп.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1

Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 1557.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**выпускает для детей младшего возраста
следующие произведения народного творчества
и писателей-классиков:**

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

Известный советский писатель Алексей Николаевич Толстой обработал эти сказки специально для детей и подготовил книгу к печати ещё в 1940 году.

Писатель продолжал работать и в годы Великой Отечественной войны, пополняя книгу всё новыми и новыми сказками.

Мы издаём большой том из двух книг: в первой книге сказки о животных, во второй — волшебные сказки.

Книга иллюстрирована рисунками художников И. Кузнецова и К. Кузнецова.

САДКО.

Былина.

Сто лет назад в Архангельской губернии былину о Садко записал Павел Николаевич Рыбников со слов талантливого сказителя — крестьянина А. Сорокина.

Это одно из лучших поэтических произведений Древней Руси. В ней говорится о превосходстве певца-гуслира Садко над купцами-богатеями Новгорода.

Своим искусством Садко победил не только их, но и морского царя — властителя озера Ильменя, на котором стоит Новгород.

Книга иллюстрирована цветными рисунками художника И. Архипова, воссоздающими архитектуру и быт древнего Новгорода.

НИКИТА КОЖЕМЯКА.

В книге собраны богатырские сказки и героические предания: «Никита Кожемяка» в пересказе К. Ушинского, «Бой на Калиновом мосту» в пересказе И. Карнауховой, «Слово о Коловрате» в стихотворном пересказе В. Старостина, «Сказка о Еруслане» в пересказе А. Нечаева, а также героические предания из русской летописи.

Книга иллюстрирована рисунками И. Архипова.

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ.

Русские пословицы и поговорки.

Составил сборник Борис Викторович Шергин, замечательный писатель, знаток народного творчества.

«Русская речь — это река без берегов. Никому не загорожено, каждый может черпать живую воду в меру своих творческих сил: один будет черпать ведром, другой чашечкой», — пишет Б. В. Шергин во вступительной статье к этому сборнику.

Книга называется «Добрый молодец». Слово «добрый» понимается здесь как любознательный, внимательный, вдумчивый.

Книга иллюстрирована рисунками Г. Валька.

Толстой Л.

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой устроил в своем имении Ясная Поляна школу для крестьянских детей.

В те времена в городах было мало школ, а в деревнях еще меньше. Книг для детей, простых и понятных, почти не было.

Лев Николаевич сам написал учебники для яснополянских ребят: «Новую Азбуку» и четыре «Русские книги для чтения».

Рассказы, басни, сказки и былины в пересказе Л. Толстого мы включили в этот сборник.

Мы печатаем интересный раздел: «Лев Толстой и дети»; в нем воспоминания современников, знавших Толстого, среди них есть и воспоминания его бывших учеников.

Книга иллюстрирована рисунками художников И. Архипова, Г. Никольского, А. Пахомова и др.

Цена 4 коп.

